

Когда трагедия прошлого вот-вот должна была повториться, неожиданно в левом запястье Мо Чанкуна возникла острая, пронизывающая боль, словно холодная ядовитая змея проникла в его кости, постепенно обвиваясь вверх, скручивая и разрывая их, надежно блокируя мощную демоническую силу, подавляя нестерпимые желания и пробуждая разум, погруженный в демоническое наваждение.

Он удивленно опустил взгляд и обнаружил, что через его запястье проходит невидимая цепь, оставляя за собой огромную кровоточащую рану, из которой струилась кровь, капая на землю и исчезая бесследно.

Когда это произошло? Где это? Что он делает?

Мо Чанкун внезапно пришел в себя, остановил свои действия и взглянул на своего шизуна, чье лицо побледнело, а тело слегка дрожало. Он вспомнил о множестве событий, произошедших после этого...

Эффект нейдана демонической овсянки превзошел все ожидания, продолжаясь целых пять дней. Он потерял контроль, лишился разума, безумно предался утехам, его тело достигло истинного удовлетворения, но его шизун был жестоко истерзан, едва способен был встать.

Пути назад уже не было.

Клетка страсти была вскрыта, внутренний демон освобожден. Мо Чанкун погрузился в безумие наслаждений, вкусив их однажды, он уже не мог остановиться... Его шизун полностью попал в ловушку, не понимая мужских чувств, и тем более не ожидая, что его ученик, которого он воспитал с малых лет, с глубокими чувствами, сможет обмануть его. Он поверил во всю эту ложь..

Одна ошибка повлекла за собой череду других.

Шизун, боясь, что о позоре узнают другие, не осмеливался широко разглашать случившееся. Он считал, что именно он разрушил нейдан демонической овсянки, что привело к трагедии, и испытывал невыносимое чувство вины. Он скрывал «правду» глубоко внутри, одновременно отчаянно пытаясь найти исчезнувшее противоядие.

Он искал его по всему миру, но тщетно. В итоге он был вынужден использовать свое тело, чтобы раз за разом утолять ненасытного демона, погружаясь все глубже в бездну отчаяния...

«Хотя это был несчастный случай, но я все же нарушил нормы морали, это преступление, непростительное в глазах небес и земли, и ужасный грех», — шизун долго размышлял и, запинаясь, озвучил свою просьбу, - «Прости, я ни на что не гожусь. Не могу найти пилюлю Тай И Би Лин... Наши отношения... уже зашли так далеко, нельзя больше вредить другим. Поэтому... поэтому я прошу тебя, Чанкун... разорви все связи, никогда не женись и никогда никому не рассказывай об этом».

Шизун выглядел так жалко...

К сожалению, тот, к кому он обратился с мольбой, уже превратился в хладнокровное чудовище, утратившее человеческое сострадание и не понимающее, что шизуну было стыдно.

Мо Чанкун давно запутался в паутине страсти, потерял совесть и становился все более жестоким. Он не мог отказаться от этой ставшей зависимостью сладости, и просьбы шизуна показались ему сигналом к охоте.

Он пытался бороться со своим внутренним демоном. Но не смог устоять, да и не хотел...

«Я приму твои условия: разорву все связи и скрою правду», — добыча сама пришла, показав свое слабое место, и он готов был безжалостно ее сожрать. Он опустил голову, жадно вдыхая слабый аромат мыльной травы, исходящий от шизуна, и удовлетворенно произнес, - «Кажется, ты уже понимаешь, какую цену придется заплатить?»

Шизун закрыл глаза и едва заметно кивнул.

Исход был предрешен.

Они провели вместе время в хаосе и страданиях. Шизун, который когда-то любил смеяться, больше никогда не улыбался.

Иногда, в моменты просветления, Мо Чанкун чувствовал себя потерянным, его охватывала печаль. Он сожалел о содеянном, не понимая, почему все зашло так далеко. Он хотел вернуться в прошлое, но не знал, как это прекратить.

Он пытался слегка приукрасить произошедшее, представляя это как историю с вымышленными именами, и спрашивал у разных людей в Небесном царстве, среди смертных, у мужчин и женщин, у стариков и молодежи:

«Как думаете, учитель сможет его простить?»

Все давали примерно одинаковые ответы:

«Никогда не простит. Нужно навсегда уйти от этого человека».

«Я бы изрубил этого зверя на тысячи кусков».

«Такого неблагодарного белоглазого волка нужно убить».

«...»

Он тайком дал себе обещание: если хоть один человек скажет, что есть надежда на прощение, он наберется смелости и пойдет признаться шизуну. Но... никто не мог простить столь подлого заговора, столь отвратительного преступления.

Мин Цзинь оказался прав: если правда выйдет наружу, он потеряет шизуна навсегда.

Мо Чанкун не мог представить себе такой исход. Когда его шизун вернул его с края кровавого озера, для него существовал только шизун. От бурных ссор до полного взаимного доверия...

Хотя шизун всегда твердил, что он, обладая выдающимися способностями, обязательно станет великим человеком, совершит великие дела, заслужит уважение народа, но Мо Чанкун никогда не интересовался этим миром, не заботился ни о каких живых существах... власть, деньги, красавицы и сокровища — ничто из этого не имело для него значения.

Единственное, что он хотел, — это шизуна.

Его путь был ошибочным с самого начала, чем больше он пытался исправить ошибки, тем глубже он увязал в них, тем больше ошибок он совершал, и тем труднее было их исправить.

Нельзя терять, ни в коем случае нельзя терять его. Даже если придется быть изрубленным на тысячу частей, даже если придется стать демоном, он должен держать его крепко... Мо Чанкун погрязал в омут греховной красоты и боли, теряя ясность мысли.

Внутренний демон вновь появлялся, принимая облик шизуна, терпеливо учил его и мягко утешал: «Не бойся, я люблю тебя, люблю подчиняться. Я просто слишком застенчив, чтобы признаться, иначе... почему бы мне тогда не убить тебя?»

Иногда он слышал, как шизун с отвращением и упреками говорил: «Чушь! Ни один мужчина не может любить такое. Если у тебя есть хоть капля стыда, ты должен оставить меня в покое и уйти навсегда!»

Порой он чувствовал радость, порой страх, иногда сладость, а иногда отвращение. Он увяз в хаотичном мире, где реальность и иллюзии переплелись, становясь все более запутанным.

Мо Чанкун пробовал много раз, старался много раз, и много раз терпел неудачу. Он больше не хотел разбираться. Он крепко держался за своего внутреннего демона, веря только сладким обманчивым словам, как за соломинку спасения, позволяя демону захватить все его сознание.

— Чанкун, некоторые мужчины тоже сначала не хотели, но, когда продолжали, постепенно влюблялись в это ощущение.

— Чанкун, ты бессовестный ублюдок, убирайся прочь.

— Чанкун, не расстраивайся, я не стану твоим любовником, потому что ты еще недостаточно хорош.

- Чанкун, шизун любит тебя...

- Чанкун, шизун ненавидит тебя...

- Чанкун, прошу тебя, очнись!

Потом правда вскрылась, в мире произошла сенсация, и каждый принялся его ненавидеть, осыпать проклятиями... Он стал чудовищем, неблагодарным белоглазым волком.

Шизун, узнав о подлом заговоре, был потрясен. Как бы он ни молил, как бы ни сопротивлялся, перед всеми шизун строго отругал его, сбивчиво объясняя, что ученик сошел с ума, и ему нужно заточить его в темнице на сотни лет, чтобы он поборол своего внутреннего демона, отказался от своих привязанностей, отрекся от чувств, и только тогда его можно будет выпустить.

Другой шизун тоже говорил с ним, умоляя его, как будто прося сбежать вместе, покинуть этот мир, полный ненависти и оскорблений, и найти безопасную чистую землю.

Он окончательно перестал думать. Инстинкт выживания загнанного зверя подавил все остальное. Он похитил шизуна, совершил ужасное преступление и разрушил все. В конце концов, когда боги уничтожили демона, он пробудился от мучительной боли и только увидев израненного шизуна, осознал, что натворил.

Каждый отвечает за свои поступки. Он совершил страшное преступление, заслуживающее небесного наказания, и больше не должен был втягивать в это своего шизуна.

«Я с самого начала был мерзавцем, подлым и бесчестным. Я давно уже желал обладать телом своего шизуна и принудил его развлекаться со мной».

«Мой шизун просто глупец, которого легко обмануть. Ха-ха, он еще и подумал, что это его ошибка, решил взять на себя ответственность, лечить меня, но в итоге сам попался в ловушку...»

«Я даже подсыпал ему лекарство, особенно сильное. Он был в бессознательном состоянии и говорил всякую чепуху, было очень весело...»

«Ха-ха-ха-ха...»

Он больше не хотел оставлять себе никаких шансов, никаких привязанностей, хотел полностью уничтожить свои чувства, забрав с собой преступление, которое никто никогда не простит, и исчезнуть в одиночестве.

Но...

Он никак не ожидал, что шизун все равно его простит.

В ночи вновь зажегся свет.

...

Мо Чанкун с трудом оторвался от болезненных воспоминаний, он посмотрел на этого знакомого и одновременно чужого шизуна, а также на тайное царство Циму, где трагедия еще не произошла, и чуть не поверил, что действительно переместился во времени, как в телесериале, или переродился, как главный герой в новелле, о которой говорил Лун Цзинтянь.

Кто такой Лун Цзинтянь?

Что такое сериал?

А что такое новелла?

Резкая боль в запястье не утихала, напоминая о том, что что-то явно не так.

Внезапно он что-то осознал, достал из пространственного мешочка резной ящичек из золотистого дерева нанму и медленно открыл его. Внутри лежала совершенно новая книга «Гора тысячи призраков». На первой странице неразборчивым почерком автора было написано: «Верному поклоннику Лу Юньчжэню. Желаю успехов в учебе, счастья каждый день, защиты животных и заботы о лисах».

Ха...

Проклятый лис все-таки вырос.

Мо Чанкун все понял. Его охватил безумный гнев, цепи на его запястье сократились, демоническая сила закружилась, а на его лице начала распространяться метка преступления. Сон о воспоминаниях рушился. Со всех сторон стали появляться потоки энергии меча, яростно ударяясь в пространство, которое его сдерживало.

«Шизун» исчез, пещера разрушилась, тайное царство Циму превратилось в руины. Весь мир,

словно бумажный, был разорван на куски, превратившись в множество ярких иллюзорных световых точек, пытающихся воссоздать новый сон, но снова разрываемых.

В пустоте он услышал расстроенные звуки пипы, едва уловимый запах цветов Туолин витал в воздухе, словно сон, словно реальность. Белая лиса, скрывавшаяся в тени, наконец показала свой хвост.

Мо Чанкун злобно усмехнулся:

— Пошел к черту.

□□...

Ху Суй все еще играл на пипе, осторожно контролируя сон, стремясь раскрыть правду прошлого. Внезапно он заметил странные изменения в цепях, сковывавших запястья Мо Чанкуна. Они словно уловили какой-то сигнал и, как ядовитые змеи, ожили, сначала обвили всю руку, затем сжались с такой силой, что раздробили кости, и, наконец, пронзили плоть, как самое жестокое мучение.

Лицо Мо Чанкуна исказилось от боли.

Ху Суй понял, что это знак того, что великий демон вот-вот проснется, и не решился затягивать битву. Он поспешно убрал нефритовый свиток и подал сигнал отступления младшим представителям демонического рода, которые ему помогали.

— Брат Суй сказал, что что-то пошло не так!

— Все плохо! Скорее бежим!

— Если задержимся, будет поздно!

Весь съемочный коллектив погрузился в хаос. Работники начали передавать друг другу новости, многие бросили оборудование и реквизит, в панике убегая.

Лу Юньчжэнь прятался в палатке с инвентарем, кутаясь в толстый пуховик, согреваясь у костра и играя в одиночную игру, пока ждал своего ученика. Вдруг он услышал крики снаружи, а сеть на телефоне заработала. Он мгновенно получил десятки сообщений от Лун Цзинтяня. Пробежав их взглядом, он снова наткнулся на бессвязные и непонятные фразы.

Лун-дурак: Мастер Лу, где вы?

Лун-дурак: Как там Юну?

Лун-дурак: Вы все еще живы?

Лун-дурак: Ответьте мне быстрее!

□.....

Лу Юньчжэнь действительно не понимал, что происходит. Увидев, что сигнал на телефоне от нуля поднялся до максимума, он перезвонил Лун Цзинтяню, чтобы уточнить ситуацию.

На другом конце линии Лун Цзинтянь был почти в слезах от паники.

— Мастер, вас обманули, — с трудом начав говорить, Лун Цзинтянь, который явно плохо учился в школе и с трудом выделял главное, сбивчиво зашептал, — Я пошел с отцом на вечеринку, встретил там режиссера Го и поговорил с ним. Мы хотели добавить сцены для Цзин Юну, но он сказал, что съемки «Горы тысячи призраков» даже не начинались! Место съемок вовсе не гора Хунши. Я проверил расписание рейсов за прошлую ночь... В Хайпине не было рейсов на гору Хунши. Учитель Лу, где вы вообще находитесь?!

Это было слишком невероятно.

Какая съемочная группа станет возиться с таким бедняком, как он? Еще и пригласит его лететь первым классом и завтракать в пятизвездочном отеле?

Лу Юньчжэнь был совершенно сбит с толку:

— Ты опять напился?

Лун Цзинтянь продолжал вопить, уверяя, что не пьян.

— Не волнуйся, — Лу Юньчжэнь попытался сохранить хладнокровие, как это делает мастер эзотерических искусств, чтобы успокоить бывшего щедрого спонсора, затем осторожно высунул голову из палатки, огляделся по сторонам и притворился спокойным, — Пустяки, я с этим легко разберусь.

Но пейзаж за палаткой выглядел странно. Декорации, изображавшие постоянный двор, превратились в полуразрушенные кирпичные здания, покрытые мхом, словно их не посещали уже сотни лет. Вокруг царила паника, люди бежали, некоторые, наиболее пугливые, плакали и кричали о помощи, как будто ожидали появления чего-то ужасного.

Лу Юньчжэнь нервно сглотнул.

Лун Цзинтянь на другом конце линии, услышав шум, издал крик, словно из фильма ужасов:

— Мастер, спасайтесь! Это точно людоеды! А-а-а-а!

Лу Юньчжэнь поспешно повесил трубку, опасаясь, что если будет слушать дальше, то уже не сможет держать лицо «высокого мастера» и впадет в панику.

Он решил спросить кого-нибудь, что происходит. Лу Юньчжэнь огляделся и увидел, как мимо проходит визажистка, с которой он недавно болтал. Он быстро ее остановил:

— Что случилось?

— Ой, вы здесь?! — визажистка, увидев его, вскрикнула и позвала коллег, — Чуть не забыли! Быстрее, уводите его отсюда, чтобы ничего не случилось, а то босс разозлится!

— Да-да, нельзя потерять наше сокровище.

— Если мы облажаемся, нам не сдобровать!

— Босс, когда сердится, очень страшен...

Услышав призыв визажистки, работники, забывшие об одном из самых важных дел, поспешили к Лу Юньчжэню, приглашая его уходить с ними, и дружелюбно объясняли:

— В горах появился демон.

— Демон особенно свирепый, он поедает людей.

— Да-да, у него четыре глаза и восемь ног, лицо сине-зеленое и острые клыки!

— Не отходите от нас!

— ...

Если бы Лу Юньчжэнь не получил звонок от Лун Цзинтяня и не обратил внимания на изменившийся внешний вид постоянного двора, он, возможно, поверил бы в их слова и убежал вместе с ними. Но теперь он был настороже, исподтишка оглядел эту группу и заметил... из-под юбки визажистки торчал пушистый желтый хвост, тень честного и простоватого фотографа

отбрасывала восемь рук, а помощник режиссера вообще не касался земли, когда шел...

<http://bllate.org/book/13607/1206734>